

Постановочная фотография, 2006 г.
Автор реконструкции
Ширак Карапетян-Мильштейн

СТИХИ ПОЭТОВ,
ПРОШЕДШИХ
ВОЙНУ

Перебирая наши даты...

Альманах «Победители»

В конце 60-х на отцовском дне рождения его друг, вернувшийся домой без обеих ног много раньше конца войны, подарил мне письмо, которое отец написал ему с фронта.

Я положил письмо в карман и долго не рисковал его прочитать. Продвинутый тинейджер оттепельных времен, боялся обнаружить там неизбежные, как я полагал, плакатные «за Родину, за Сталина», заранее оправдывая такие пассажи особенностями той эпохи.

Когда все же рискнул достать письмо из конверта, не обнаружил в нем никаких, даже вторичных признаков трескучей советской риторики. Там были простые, без надрыва и пафоса, слова о боях и поте-

рях, об адской грязи и бездорожье, о том, через что прошли и что еще предстоит... В общем, о всем том, о чем чуть позже я прочитал и увидел в честных суровых, непарадных стихах, прозе, спектаклях и фильмах о войне.

Первым пронзительным эхом войны стали стихи. «Я прошел по той войне, / И она прошла по мне», — писал Александр Межиров. Поколение поэтов-фронтовиков, поэтов, опаленных войной, оказалось на передовой в самом прямом смысле этого слова. Одни не вернулись с войны, другие умерли от ран вскоре после, как Семен Гудзенко, предсказавший в стихах «Мы не от старости умрем, — / От старых ран умрем». А те, кому выпало прожить долгую жизнь, так и не смогли забыть о тех годах, до последних дней возвращались в стихах

к войне, к цене войны, вспоминали про тех, кто не вернулся, «про Павла, Мишу, Илью, Бориса, Николая», как сказано в хрестоматийных строках Давида Самойлова...

О войне написано много. Как выбрать? Пожалуй, самый точный критерий подлинности некогда предложил Михаил Светлов. Дело было так. В Союз писателей принимали очередного стихотворца. Светлов высказался против. Кто-то защищал:

— Но ведь его стихи посвящены важной солдатской теме!

— Когда я читаю настоящие стихи о войне, — ответил Светлов, — я вижу: если ползет солдат, то это ползет солдат. А тут ползет кандидат в Союз писателей...

Евгений Бунимович

Всеволод БАГРИЦКИЙ
(1922—1942)

Мне противно жить не раздеваясь,
На гнилой соломе спать.
И, замерзшим нищим подавая,
Надоевший голод забывать.

Коченея, прятаться от ветра,
Вспоминать погибших имена,
Из дому не получать ответа,
Барахло на черный хлеб менять.

Дважды в день считать себя умершим,
Путать планы, числа и пути,
Ликовать, что жил на свете меньше
Двадцати.

1941

Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ
(1919-1943)

Мечтатель, фантазер, лентяй-
завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники пронесются со свистом
вертящихся пропеллерами сабель.
Я раньше думал: «лейтенант»
звучит вот так: «Налейте нам!»
И, зная топографию,
он топает по гравию.
Война — совсем не фейерверк,
а просто — трудная работа,
когда,
черна от пота,
вверх
скользит по пахоте пехота.

Марш!
И глина в чавкающем топоте
до мозга костей промерзших ног
наворачивается на чеботы
весом хлеба в месячный паек.
На бойцах и пуговицы вроде
чешуи тяжелых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина
с ежедневными Бородино.

26 декабря 1942

Семен ГУДЗЕНКО
(1922—1953)

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим
можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв —
и умирает друг.
И значит — смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черед.
За мной одним
идет охота.
Будь проклят
сорок первый год —
ты, вмерзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв —
и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже
не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шею.
Бой был короткий.
А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
я кровь чужую.

1942

Арсений ТАРКОВСКИЙ
(1907—1989)

Немецкий автоматчик подстрелит
на дороге,
Осколком ли фугаски перешибут
мне ноги,

В живот ли пулю влепит
эсэсовец-мальчишка,
Но все равно мне будет на этом
фронте крышка.

И буду я разутый, без имени и славы
Замерзшими глазами смотреть
на снег кровавый.

1942

Николай РЫЛЕНКОВ
(1909—1969)

НАВОДЧИК

Не позабыть мне ночи той короткой...
Был май. В лесу черемуха цвела.
Мы наступали, и прямой наводкой
Артиллеристы били вдоль села.

И, пробираясь меж коряг и кочек,
Когда рассвет вставал, от пепла сед,
Я слышал, приговаривал наводчик:
— Вот, в самый раз...
Прости меня, сосед!

И вновь взлетало облако рябое,
И вновь шаталась от разрыва мгла...
А мы узнали только после боя,
Что парень был из этого села.

1942

Ольга БЕРГГОЛЬЦ
(1910–1975)

На собраньи целый день сидела —
то голосовала, то лгала...
Как я от тоски не поседела?
Как я от стыда не померла?..
Долго с улицы не уходила —
только там сама собой была.
В подворотне — с дворником курила,
водку в забегаловке пила...
В той шарашке двое инвалидов
(В сорок третьем брали Красный Бор)
рассказали о своих обидах, —
вот — был интересный разговор!
Мы припомним между собою,
старый пепел в сердце шевеля:
штрафники идут в разведку боем —
прямо через минные поля!..
Кто-нибудь вернется награжденный,
остальные лягут здесь — тихи,
искупая кровью забубенной
все свои небывшие грехи!
И соображая еле-еле,
я сказала в гневе, во хмелю:
«Как мне наши праведники надоели,
как я наших грешников люблю!»

1948

Юлия ДРУНИНА
(1924–1991)

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву и сотни раз во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

1943

Сергей ОРЛОВ
(1921–1977)

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин КВ ушло в атаку.
Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Ключьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата,
Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали.

1944

Ион ДЕГЕН
(1925–2017)

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.

1944

Николай ПАНЧЕНКО
(1924–2005)

ВЕСНА НА ФРОНТЕ

Весна на фронте пахнет
не фиалками —
бурлят из леса затхлые ручьи.
А там вповал —

январские, февральские,
немецкие, советские — ничьи.
В овчинных шубах,
как в звериных шкурах,
кто навзничь, кто ничком,
кто на боку...

Весной на фронте очень много курят,
и вечно не хватает табаку.

1945

Борис СЛУЦКИЙ
(1919–1986)

ГОСПИТАЛЬ

Еще скребут по сердцу «мессера»,
Еще

вот здесь
безумствуют стрелки,
Еще в ушах работает «ура»,
Русское «ура-рарара-рарара!» —
На двадцать
слогов
строки.

Здесь
ставший клубом
бывший сельский храм —
Лежим
под диаграммами труда,
Но прелым богом пахнет по углам —
Попа бы деревенского сюда!
Крепка анафема, хоть вера не тверда.
Попишку бы лядашего сюда!

Какие фрески светятся в углу!
Здесь рай поет!

Здесь
ад
ревмя
ревет!

На глиняном истоптанном полу
Лежит диавол,
 раненный в живот.
Под фресками в нетопленном углу
Лежит подбитый унтер на полу.

Напротив,
на приземистом топчане,
Кончается молоденький комбат.
На гимнастерке ордена горят.
Он. Нарушает. Молчанье.
Кричит!
(Шепотом — как мертвые кричат.)

Он требует, как офицер, как русский,
Как человек, чтоб в этот крайний час
Зеленый,
 рыжий,
 ржавый
 унтер прусский
Не помирал меж нас!

Он гладит, гладит, гладит ордена,
Оглаживает,
 гладит гимнастерку
И плачет,
 плачет,
 плачет
 горько,
Что эта просьба не соблюдена.

А в двух шагах, в нетопленном углу,
Лежит подбитый унтер на полу.
И санитар его, покорного,
Уносит прочь, в какой-то дальний зал,
Чтоб он

 своею смертью черной
Комбата светлой смерти
 не смущал.

И снова ниспадает тишина.

И новобранца
наставляют
 воины:

— Так вот оно,
 какая
 здесь
 война!

Тебе, видать,
 не нравится
 она —

Попробуй
перевоевать
 по-своему!

<1940-e>

УЖЕ НЕ ЛЮБЯТ СЛУШАТЬ ПРО ВОЙНУ

Уже не любят слушать про войну
прошедшую,
и как я ни взгляну
с эстрады в зал,
томятся в зале:
мол, что-нибудь бы новое сказали.
Еще боятся слушать про войну
грядущую,
ее голубизну
небесную,
с грибами убивающего цвета.
Она еще не родила поэта.
Она не закусил удила.
Ее пришествия еще неясны сроки.
Она писателей не родила,
а ныне не рождаются пророки.

<60-e>

КАК УБИВАЛИ МОЮ БАБКУ

Как убивали мою бабуку?
Мою бабуку убивали так:
Утром к зданию горбанка
Подошел танк.
Сто пятьдесят евреев города
Легкие
От годовалого голода,
Бледные от предсмертной тоски,
Пришли туда, неся узелки.
Юные немцы и полицаи
Бодро теснили старух, стариков
И повели, котелками бряцаая,
За город повели, далеко.

А бабука, маленькая,
словно атом,
Семидесятилетняя бабука моя,
Крыла немцев, ругала матом,
Кричала немцам о том, где я.

Она кричала:
— Мой внук
на фронте,
Вы только посмейте,
Только троньте!
Слышите,
наша пальба слышна!
Бабука плакала и кричала,
И шла.
Опять начинала сначала
Кричать.
Из каждого окна
Шумели Ивановны и Андреевны,
Плакали Сидоровны и Петровны:
— Держись, Полина Матвеевна!
Кричи на них! Иди ровно!
Они шумели:
— Ой, що робить
З отым нимцем, нашим ворогом!

Поэтому бабуку решили убить,
Пока еще проходили городом.
Пуля взметнула волоса.
Выпала седенькая коса.
И бабука наземь упала.
Так она и пропала.

1944-1947

Александр МЕЖИРОВ
(1923—2009)

* * *

Мы под Колпином скопом стоим,
Артиллерия бьет по своим.
Это наша разведка, наверно,
Ориентир указала неверно.

Недолет. Перелет. Недолет.
По своим артиллерия бьет.
Мы недаром присягу давали.
За собою мосты подрывали, —
Из окопов никто не уйдет.
Недолет. Перелет. Недолет.

Мы под Колпином скопом лежим
И дрожим, прокопченные дымом.
Надо все-таки бить по чужим,
А она — по своим, по родимым.

Нас комбаты утешить хотят,
Нас великая Родина любит...
По своим артиллерия лупит —
Лес не рубят, а щепки летят.

1956

* * *

Памяти Семена Гудзенко

Полумужчины, полудети,
На фронт ушедшие из школ...
Да мы и не жили на свете, —
Наш возраст в силу не вошел.

Лишь первую о жизни фразу
Успели занести в тетрадь, —
С войны вернулись мы и сразу
Заторопились умирать.

1967

Евгений ВИНОКУРОВ
(1925—1993)

НЕЗАБУДКИ

В шинельке драной,
Без обуток
Я помню в поле мертвеца.
Толпа кровавых незабудок
Стояла около лица.

Мертвец лежал недвижно,
Глядя,
Как медлил коршун вдалеке...

И было выколото
«Надя»
На обескровленной руке.

1957

Александр ТВАРДОВСКИЙ
(1910—1971)

Я ЗНАЮ, НИКАКОЙ МОЕЙ ВИНЫ...

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше,
кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сбержечь, —
Речь не о том, но всё же,
всё же, всё же...

1966

Что делать нам с тобой, моя присяга,
Где взять слова, чтоб рассказать о том,
Как в сорок пятом нас встречала Прага
И как встречает в шестьдесят восьмом.

1968

Константин ВАНШЕНКИН
(1925—2012)

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Была зима перед весной,
Как и в другие времена.
К дождю июньскому и к зною
Была весна устремлена.
И только резкостью иною
Подробность помнится одна:
Перед войной была война.

1980

Буллат ОКУДЖАВА
(1924—1997)

Ах, что-то мне не верится,
что я, брат, воевал.
А может, это школьник
меня нарисовал:
Я ручками размахиваю,
я ножками сучу,
И уцелеть рассчитываю,
и победить хочу.
Ах, что-то мне не верится,
что я, брат, убивал.
А может, просто вечером
в кино я побывал?
И не хватал оружия,

чужую жизнь круша,
И руки мои чистые, и праведна душа.
Ах, что-то мне не верится,
что я не пал в бою.
А может быть, подстреленный,
давно живу в раю,
И кущи там, и рощи там,
и кудри по плечам...
А эта жизнь прекрасная
лишь снится по ночам.

1988

ПРИМЕТА

А. Жигулину

Если ворон в вышине,
дело, стало быть, к войне.
Чтобы не было войны,
надо ворона убить.
Чтобы ворона убить,
надо ружья зарядить.
А как станем заряжать,
всем захочется стрелять.
Ну а как стрельба пойдет,
пуля дырочку найдет.
Ей не жалко никого,
ей попасть бы хоть в кого,
хоть в чужого, хоть в свово.
Во, и боле ничего.
Во, и боле ничего.
Кроме ворона того:
стрельнуть некому в него.

1984

Давид САМОЙЛОВ
(1920—1990)

ВАЛЯ-ВАЛЕНТИНА

Бой вспоминается потом.
В тылу. На госпитальной койке.
Ночами часто будит стон
Тяжелораненого Кольки.

Прокручивается кино
На простыне, как на экране.
Обстрел. Команда заодно
С обрывком энергичной брани.

Все возвращается — деталь,
Неподходящая экрану,
Как комсомольский секретарь
Кишки запихивает в рану...

Азарг. Бросок. «Стреляй же, бля!»
«Ура!» звучащее не густо.
Нет, это не годится для
Документального искусства.

Но утренний приход сестриц
Пригоден для кинокартины,
Особенно насчет ресниц
Сестрицы Вали-Валентины.

Ее не тронь! Словцом хотя б!
И не допустят матерщины
Не больно верящие в баб
Гвардейцы Вали-Валентины.

О ней возможен разговор
Возвышенный, почти стихами.
Тяжелораненый сапер
О ней во сне скрипит зубами.

А этот госпитальный быт!
О чем еще мечтать пехоте!
Лежишь на чистой койке. Сыт.
И вроде с Родиной в расчете.

Да, было. А теперь печет:
Иные раны, карантинны.
И с Родиной иной расчет.
И нету Вали-Валентины.

9 мая 1986

ИТОГ

Что значит наше поколение?
Война нас ополовинила.
Повергло время на колени,
Из нас Победу выбило.
А все ж дружили, и служили,
И жить мечтали наново.
И все мечтали. А дожили
До Стасика Куняева.
Не знали мы, что чернь сильнее
И возрастет стократ еще.
И тихо мы лежим, синяя,
На филиале Кладбища.
Когда устанут от худого
И возжелают лучшего,
Взойдет созвездие Глазкова,
Кульчицкого и Слуцкого.

1985

ПЕРЕБИРАЯ НАШИ ДАТЫ

Перебирая наши даты,
Я обращаюсь к тем ребятам,
Что в сорок первом шли в солдаты
И в гуманисты в сорок пятом.
А гуманизм не просто термин,
К тому же, говорят, абстрактный.
Я обращаюсь вновь к потерям,
Они трудны и невозвратны.
Я вспоминаю Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.
Я сам теперь от них завишу,
Того порою не желая.
Они шумели буйным лесом,
В них были вера и доверье.
А их повыбило железом,
И леса нет — одни деревья.
И вроде день у нас погожий,
И вроде ветер тянет к лету...
Аукаемся мы с Сережей,
Но леса нет, и эха нету.
А я все слышу, слышу, слышу,
Их голоса припоминая...
Я говорю про Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.

1961

